

В. С. Соколова. *Очерки по фонетике иранских языков*. — М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953: Вып. I — Белуджский, курдский, тальшский, татский языки — 150 стр.; Вып. II — Осетинский, ягнобский и памирские языки — 244 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

С появлением в печати работ В. С. Соколовой советское языкознание обогатилось новыми исследованиями по фонетике слабо изученных малописьменных и бесписьменных языков. Ее работы посвящены современным иранским языкам, представленным на территории Советского Союза.

Установление фонемного состава в языке малописьменном, а тем более в языке бесписьменном, о котором в литературе предмета нет каких-либо сведений, является задачей нелегкой. Материалы о фонетическом, грамматическом, лексическом строе многих бесписьменных современных иранских языков очень скудны. Работа В. С. Соколовой «Очерки по фонетике иранских языков» представляет большую ценность для иранистов, так как заполняет пробелы в современном языкознании и прокладывает путь к дальнейшему углубленному изучению фонетической (а также грамматической и лексической) стороны малописьменных и бесписьменных иранских языков. Свое исследование В. С. Соколова основывает на данных точного инструментального изучения фонетических явлений современных иранских языков. И в этом ее важнейшая заслуга не только перед советской, но и перед мировой иранистикой. Еще ранее В. С. Соколова опубликовала ряд ценных работ по фонетике таджикского, персидского и других языков¹, теоретические выводы которых она продолжает развивать и в настоящих «Очерках».

В. С. Соколова имеет предшественников в изучении фонетического строя ряда иранских языков как путем метода слухового, так и путем самонаблюдения. Изучение фонетического строя малописьменных и бесписьменных иранских языков, представленных на территории нашей страны и зарубежных, имеет глубокую традицию в русском языкознании (востоковедении). Изучением фонетического строя малописьменных и бесписьменных иранских языков начали заниматься в России уже в середине XIX в. Вс. Миллер, А. М. Шегерн и другие, а в наше время эту традицию продолжают развивать Н. И. Зарубин, Б. В. Миллер, В. И. Абаев, В. С. Соколова и другие. Применяя метод субъективного наблюдения над работой органов речи и используя слуховой анализ, русские лингвисты сделали много ценных открытий в фонетике живых иранских языков. Открытия эти не только не утратили в настоящее время своего значения, но, наоборот, были подтверждены В. С. Соколовой при помощи инструментального метода.

Настоящие «Очерки» основаны на непосредственном изучении иранских языков на местах, в походной обстановке. Работа по сбору фонетического материала велась с 1947 по 1950 г. Для одних языков материал собирался продолжительное время, с перерывами, для других — иногда лишь в течение нескольких дней (62, II)². Для проведения инструментального изучения фонетики в походных условиях автор применял (как и в предшествующих своих исследованиях) портативные экспедиционные аппараты. Осведомителями были люди, для которых данный язык являлся родным.

В двух томах рецензируемой работы представлены такие различные по звуковому строю и отдаленные в территориальном отношении языки, как белуджский, курдский, тальшский, татский, осетинский, ягнобский, а также памирские языки — шугнано-рушанская языковая группа, язгулямский, ваханский и ишкашимский. Для каждого из этих языков автор в одних случаях уточняет, а в других устанавливает систему гласных и согласных фонем. Вслед за этим описывается субъективным и объективным методом инструментальной фонетики антропофоническая сторона фонем. Фонетическая (точнее, только звуковая) характеристика одного языка сопоставляется с характеристикой другого языка, диалекты сопоставляются между собой внутри одного языка, звуки одной группы иранских языков сравниваются со звуками другой. Сопоставление звуков автор проводит и в русском, и в тюркских, и в западноевропейских языках.

При сопоставлении звукового строя иранских языков автор выделяет не только те общие звуковые явления, которые связывают один язык с другим или одну группу языков с другими, но и показывает то особенное, что отличает языки друг от друга. Кроме того, автор отмечает архаичные и новые черты в звуковом строе данного языка.

Объем и детализация фонетической характеристики каждого языка зависит от степени изученности языка и от задач, поставленных предшествующими исследованиями. Естественно, что не все звуковые стороны языков, представленных в «Очерках», могли быть детально рассмотрены в рецензируемом труде, — это, конечно, не под силу одному человеку. Особое внимание было уделено изучению звукового строя того языка,

¹ См.: В. С. Соколова, *Фонетика таджикского языка*, М.—Л., 1949; В. С. Соколова, Р. Л. Неменова, Ю. И. Богорад, В. А. Лившиц, А. И. Фархадян, *Новые сведения по фонетике иранских языков*, «Труды Ин-та языкознания», т. I, М., 1952.

² Арабскими цифрами обозначаем страницу, а римскими — том «Очерков».

который менее изучен или же представляет интерес с точки зрения выяснения фонетических закономерностей современных иранских языков.

Наиболее подробно в I и II томах «Очерков» дана характеристика длительности гласных, что объясняется необходимостью детального выяснения количественных взаимоотношений в вокализме иранских языков. В первом томе тщательному анализу при помощи инструментального метода подвергаются белуджский и курдский языки, а во втором — осетинский, шугнано-рушанская языковая группа, язгулямский и вахалский языки. Для белуджского, ягнобского и шугнано-рушанской языковой группы, а также частично для язгулямского характерно фонологическое противопоставление долгих и кратких гласных (43, I; 85, 64—70, 177, II).

Из согласных подробнее других описаны согласные белуджского и осетинского языков; с целью выяснения придыхательности, степени звонкости и места образования преграды проводились кимографические записи. Палатаграммы даны для языков курдского и ваханского (54—56, 72—77, 100—101, I; 49—58, 227—229, II). Звуковой состав остальных иранских языков был описан на основе слухового анализа и самонаблюдения над движением органов речи.

Для гласных всех языков автор создал таблицу в виде трапеции, в которой размечены гласные по степени расстояния между артикулирующей частью языка и небом. Узкие гласные размещены на вершине трапеции. Таблицы согласных представлены для белуджского, курдского, талышского, татского, ягнобского языков и для шугнано-рушанской языковой группы. Не все таблицы согласных одинаково точно отражают характеристику согласных. Например, для одних согласных переднеязычная артикуляция уточняется ее дорсальным и апикальным положением, а для других этого не имеется. То же самое находим в отношении фарингальных, согласных [r], [w] и других. Точную характеристику согласного читателю приходится искать в тексте (49, 136, I; 71, II и др.).

К очерку фонетики каждого языка в работе прилагаются тексты различного жанра, как-то: сказки, рассказы, политические статьи, отражающие главным образом обычную разговорную устную и письменную речь. Каждый текст сопровождается русским переводом. Некоторые из текстов представляют большую ценность для изучения фонетического, грамматического и лексического строя данного языка (например, для языков Памира), поскольку подобные тексты являются в настоящее время большой редкостью. Все тексты (исключая осетинский язык) даны в двух разновидностях фонетической транскрипции — в фонологической транскрипции, отражающей фонемный состав без ее вариантов, и в антропофонической. Текст, записанный в «детализованной», антропофонической транскрипции, отражает фонему во всех ее основных вариантах. Такие тексты помогут читателю проверить материальное описание фонемы.

Иногда такие фонетические тексты даются для всех диалектов одного языка, например, для татского, талышского, для шугнано-рушанской языковой группы. Сравнительные тексты даются также и в параллельной записи от лиц различных поколений (например, для татского языка). Такие сравнительные фонетические тексты дают возможность проследить звуковые соответствия по диалектам и между поколениями. К текстам ягнобского языка приложены некоторые сведения по грамматике и лексике (75, II).

Одним из кардинальных вопросов при сравнительном изучении фонетики современных иранских языков является количественное взаимоотношение гласных. Для современных иранских языков характерны различные средства фонологического противопоставления гласных. Так, одним языком свойственна фонологическая значимость длительности, в других языках фонологическое противопоставление основывается на качественном различии гласных (по месту образования и расстоянию между языком и небом).

Фонологическое противопоставление гласных по длительности является характерным фонологическим признаком для белуджского языка, ягнобского и шугнано-рушанской языковой группы. При общей основе вокализм отдельных диалектов этой языковой группы имеет, однако, и расхождения в количественном и качественном соотношении гласных фонем (86—129, II). Для язгулямского вокализма основной тип противопоставления фонем осуществляется по качественному признаку; однако признак длительности также имеет фонологическое значение, что проявляется в наличии долгого и краткого [ā] — [a] (177, II).

В большинстве современных иранских языков количественное противопоставление гласных почти исчезло и приняло иной фонологический характер. Здесь противопоставление идет по линии «редуцированности — нередуцированности»¹. Количество выступает не на первом плане, а в зависимости от качества гласного. Такое фонологическое явление характерно для гласных в языке курдов Туркмении, для инкашимского, ваханского, талышского, татского, таджикского языков (80, 110, 134, I; 221, 234, II).

¹ См. В. С. Соколова, Устойчивые и неустойчивые гласные, сб. «Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944)», Л., 1951, стр. 243.

Аналогичное фонологическое противопоставление характерно для гласных осетинского языка, где «сильные» гласные в противоположность «слабым» характеризуются большой качественной и количественной устойчивостью (13, 14, II).

В белуджском и ягнобском долгие гласные отличаются от своих соответствующих пар как по количеству, так и по качеству. Долгие являются более напряженными и полновзвучными. Долгие узкие [i], [ū] уже, чем соответствующие краткие, а долгие широкие, наоборот, шире своих кратких пар (67—69, 86—91, II). Аналогичное явление было отмечено ранее в немецком, английском, азербайджанском и других языках.

Как показывает материал автора, в иранских языках почти все гласные узкого образования, как краткие, так и долгие, короче, чем соответствующие широкие гласные; ср., например, длительность узких гласных [i], [y], [u] и [æ], [a], [o]. Такое же явление характерно для русского, английского, немецкого и других языков.

В разделе о согласных автор устанавливает определенную систему согласных фонем, показывает взаимоотношения согласных фонем друг с другом внутри одного языка, а также в различных языках. Как и в разделе о гласных, В. С. Соколова стремится выделить не только общие черты консонантизма иранских языков, но также и качественные признаки, присущие отдельным языкам.

Однако, как было отмечено выше, раздел о согласных разработан автором менее подробно, чем раздел о гласных, что было также оговорено самим автором (3, 4, I и др.). Большая часть антрофонических описаний согласных была сделана на основании субъективных наблюдений над работой органов речи во время произнесения согласных. Поэтому многие вопросы этого раздела требуют своего дальнейшего исследования инструментальным методом.

Во многих современных иранских языках наблюдается различная степень оглушения звонких смычных согласных. Звонкие согласные являются неполновзвучными в одних языках в конце и начале слова, а в других — только в конечном положении. Притом в конечном положении согласные больше оглушаются, чем в начальном положении. Полновзвучными согласные выступают только в интервокальном положении. Например, в белуджском звонкие конечные согласные заметнее оглушаются. Такое же положение наблюдается в курдском, талышском, татском, осетинском языках. Звонкие смычные в язгулямском и шугнано-рушанской языковой группе почти полностью оглушаются в исходе слова. Для шугнано-рушанской языковой группы характерно частичное оглушение даже и для звонких щелевых (94, 116, 140, I; 41, 139, 195, II и др.). Оглушение в осетинском и отчасти в белуджском автор доказывает кривыми кимографической записи (54—56, I; 49—58, II).

Придыхательность — непридыхательность является фонологическим признаком для противопоставления курдских [p], [t], [k], [ç]. При этом указанные согласные в конце своего звучания могут иметь звонкий взрыв. Видимо, это является отличительной чертой придыхательных только курдского языка, так как в других иранских языках подобного явления автор не отмечает (93, 94, I).

Придыхательность глухих смычных характерна также для многих иранских языков. В шугнано-рушанской языковой группе, татском (балаханский и сураханский говоры) придыхательность выражена слабо, а в язгулямском, в конахкентском и дивичинском говорах татского языка, талышском, осетинском — сильно (113, 140, I; 36, 139, 140, 195, II и др.).

Особенностью консонантизма осетинского языка является фонологическое противопоставление смычных звонких, смычных глухих придыхательных (ртовых) и смычных глухих непридыхательных гортанных. Глухие непридыхательные смычно-гортанные — это глухие смычные, сопровождающиеся параллельной смычкой в полости рта, смыканием голосовой щели, прекращающей доступ воздуха. Поэтому смычные гортанные могут быть только глухими, но не могут быть звонкими и придыхательными. Путем кимографических записей автор показывает, что размыкание голосовых связок при произнесении глухих смычно-гортанных отстает от взрыва смычки во рту (36, 49, 50, II)¹.

Для фонологического противопоставления белуджского языка характерно наличие переднеязычных дорсальных и переднеязычных ретрофлексных [ʈ], [ɖ]. Белуджские ретрофлексные [ʈ], [ɖ] слегка аффрицированы, т. е. смычка сопровождается не мгновенным, а постепенным взрывом, что дает на слух восприятие аффрицированности. Это положение убедительно иллюстрируется автором при помощи кимографических записей (53, 74—76, I). Ретрофлексные согласные имеются также в ваханском и частично в ишкашимском языках.

Отличительной чертой консонантизма шугнано-рушанской группы при сравнении с остальными современными иранскими языками (имеем в виду языки, которые исследовал автор) является наличие щелевых фонем типа [θ], [ð] (типа английских) и смычно-щелевых (аффрикат) [ç], [ʒ] (типа русского глухого и звонкого ц) (135, II).

¹ О возникновении и удельном весе смычно-гортанных в осетинском языке см. В. И. Абаева, Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949, стр. 518—525.

Язгулямский консонантизм имеет все фонемы, характерные для шугнано-рушанской группы и, кроме того, некоторые фонемы, представляющие специфику язгулямского консонантизма, — увулярные заднеязычные округленные согласные [x^o], [γ^o], [ʒ^o], [k^o], [g^o], которые противопоставляются своим неокругленным парам (193, II). Противопоставление округленного и неокругленного [x^o] — [x] имеется в курдском, ягнобском, язгулямском и осетинском языках (97, I; 48, 72, II и др.).

Автор указывает, что в бесписьменных и малописьменных иранских языках происходит образование новых гласных и согласных фонем под влиянием письменных языков — языков междуреспубликанского значения. Эти наблюдения являются ценным материалом как для лингвиста, так и для историка, поскольку они дают возможность проследить и выявить связь истории языка с историей народа, говорящего на данном языке.

Необходимо отметить и ряд недостатков книги, которые не могут, впрочем, умалять ее достоинств. Очень часто, описывая антропофоническую сторону фонемы, автор определяет материальный признак фонемы как «фонологически безразличный», «незначимый», «внесуточный» и как «фонологически существенный, значимый» (4, I; 222, II и мн. др.). Такое определение материальных признаков фонемы ведет к устранению изучения всех основных антропофонических признаков фонемы. Подобная трактовка фонемы противоречит принятому в отечественной лингвистике понятию о фонеме, как о целом, которое проявляется в ее частных материально значимых вариантах. С точки зрения смысловозначения, смыслоузнавания все материальные признаки фонемы одинаково существенны¹.

Так, описывая белуджский [n], автор пишет, что фонологически несущественно, какая часть языка соприкасается с альвеолами, так как в белуджском нет противопоставления согласных дорсальных, апикальных, ретрофлексных (58, I). Аналогичную мысль автор высказывает в отношении таджикских, язгулямских, шугнано-рушанских [t], [d], ваханских [l], [n] (221, 222, II и др.). В. С. Соколова указывает, что для гласных степень подъема языка фонологически незначима (11, 30, II и др.).

Такое пренебрежение к материальной стороне фонемы приводит автора к неточным материальным описаниям каждой фонемы. Описывая фонему и давая ей определение, необходимо исходить из изучения материального проявления фонемы. В изолированном произношении влияние других фонетических признаков устраняется. На практике, описывая звуковой состав языка, будь то метод самонаблюдения или инструментальный, мы имеем дело с описанием фонемы в изолированном произношении. За этим изолированным звучанием укрепилось название «основного оттенка». Параллельно описанию фонемы в изолированном произношении необходимо отметить и ее проявление в различных фонетических положениях, т. е. среди согласных, под ударением, в безударном положении и т. д.

Пренебрежение к традиционному описанию материальной стороны фонемы в ее изолированном звучании создает распыленные ее определения, встречающиеся в работе, например: «диапазон по подъему колеблется от 4-й до 5-й ступени», «образуемый в пределах переднего и смешанного ряда», «по преимуществу нейтрального (смешанного) ряда», «колеблется от неогубленного гласного заднего ряда нижнего подъема... до огубленного гласного заднего ряда 2-го подъема» (12, 81, 82, 106, I) и другие определения гласных и согласных.

Одно и то же понятие имеет у автора несколько названий. Автор не разграничивает ряд лингвистических понятий, например, «неполный стиль речи», «небрежная речь», «в быстрой речи», «в быстром темпе речи», «при отчетливой речи» (10, 11, 87, I; 120, II и др.) и многие другие названия. Здесь автор смешивает стиль речи и темп речи.

Слуховую сторону звучания автор отождествляет с акустической, хотя на слух мы определяем не акустику звука, а те слуховые впечатления, которые мы получаем от того или иного звука. Слуховые впечатления от звука обычно выражаются в восприятии более низкого или высокого характерного тона, шума, звонкости, мягкости, твердости и т. д. Но на слух мы не можем определить степень раскрытия челюстей, закрытый или открытый звук. Это признаки физиологические. Автор и в данном случае не придерживается точной слуховой терминологии, а часто смешивает ее с терминологией физиологической. Например, мы встречаем «акустические свойства», «акустические впечатления», «впечатления открытого, узкого звучания», «на русский слух», «слуховые впечатления» и другие названия (11—16, 109, 233, 235, II и др.).

В книге нет каких-либо фонологических выводов о наличии дифтонгов, гласных и согласных геминат типа [aa], [ii], [ai], [vi], [uɪ], [ss], [ʃs], [rr], [vv], [tt] и т. д. в тальшеском², татском, осетинском³, ягнобском и в других иранских языках. При этом необходимо отметить, что у автора встречается множество слов с вышеназванными и

¹ См. С. [И]. Б е р н ш т е й н, Против идеализма в фонетике, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 6, стр. 542, 543 и др.

² См. Б. В. М и л л е р, Тальшеский язык, М., 1953, стр. 52.

³ См. В. И. А б а е в, указ. соч., стр. 516.

другими дифтонгами и геминатами в текстах и в примерах (50, 52, 59, 106, 108, 124, I; 11, 16, 62, 11 и др.).

В заключение следует сказать, что «Очерки по фонетике иранских языков» В. С. Соколовой являются ценным научным вкладом в изучение фонетики современных иранских языков. Как мы показали, автор устанавливает на материале различных иранских языков систему фонем, показывает соотношение фонемного состава между языками, их различие и сходство в материальном проявлении их звучания. С появлением работ В. С. Соколовой многие общefonетические закономерности западноевропейских, тюркских, кавказских и других языков были обнаружены и подтверждены инструментальным методом на обширном лингвистическом материале различных современных иранских языков, изучение малописьменных и бесписьменных иранских языков поднялось на высокую ступень научного исследования. Вместе с тем этот факт является ярким свидетельством национальной политики нашего государства — равного отношения к культуре и языку всех народностей нашей страны. Рецензируемая работа показывает, что мы имеем дело с крупным ученым-фонетиком в области теоретической и практической фонетики современных иранских языков.

Фуад Кязимов

Д. Дечев. *Характеристика на тракийския език*. — София, изд. на Бълг. Акад. на науките, 1952. 136 стр.

Болгарская лингвистическая литература пополнилась весьма важным исследованием. Вышла в свет книга акад. Д. Дечева, посвященная характеристике звукового строя фракийского языка — одного из древних языков Балканского полуострова¹.

В §§ 1—33 рецензируемой работы (стр. 6—42; 65—103) дано описание звуков фракийского языка по сравнению со звуками реконструируемого общеиндоевропейского языка и исторически засвидетельствованных индоевропейских языков; в § 34 излагается отношение фракийского языка к фригийскому (стр. 42—46; 103—107); в § 35 говорится о связи фракийского языка с албанским (стр. 46—53; 107—115); последний § 36 посвящен месту фракийского языка среди других индоевропейских языков (стр. 54—58; 115—119). Из сказанного следует, что Д. Дечев дал в своей работе очерк фонетики фракийского языка и лишь попутно затронул некоторые вопросы лексики и морфологии.

В связи с отсутствием связанных текстов на фракийском языке мы почти ничего не знаем о морфологии и тем более о синтаксисе этого языка². Но с лексикой дело обстоит иначе. Как известно, лексика играет основную роль в деле создания прочной базы для сравнительно-исторического исследования, ибо нужно сперва сравнить с л о в а, чтобы иметь затем возможность установить фонетические, морфологические и другие закономерности для родственных языков³.

К сожалению, лишь в виде исключения Д. Дечев наряду с общеиндоевропейским корнем приводит фракийское слово в реконструированном виде⁴. А было бы не лишним даже в работе, специально посвященной фонетике, приложить хотя бы список

¹ Работа написана на болгарском и немецком языках (болгарский текст : стр. 3—61, немецкий : стр. 63—119), а также имеет резюме на русском языке (стр. 120—124). В настоящей рецензии ссылки на книгу Д. Дечева даются в скобках в тексте, причем параллельно указываются страницы болгарского и немецкого вариантов.

² Морфологии посвящено несколько замечаний (стр. 28, 32, 38, прим. 3 и 4; 88, 92—93 и 99, прим. 1 и 2). О синтаксисе говорить пока вообще не приходится, так как чтение надписи на перстне из Езерово (V в. до н. э.), найденное в 1912 г., не может еще считаться установленным. Новое толкование см. у автора (стр. 28, прим. 2; стр. 88, прим. 3).

³ Ср. А. И. Смирницкий, К вопросу о сравнительно-историческом методе в языковедении, ВЯ, 1952, № 4, стр. 8.

⁴ Кроме некоторых глосс, как βρῖα «полюс» (стр. 14; 73) βρῖα «город» (стр. 20, прим. 4; стр. 80, прим. 4) и др., Д. Дечев приводит следующие фракийские слова: *awlo-* «почевить» (стр. 20; 80), *daw-* «бежать» (там же), *pva-* «рынок» (стр. 6; 65), *tharpo-* «долина» (стр. 7; 66). Для других фракийских слов автор дает только общеиндоевропейский корень, а также родственные слова в других индоевропейских языках. Например, *Zald-ata*, *Zald-eta*, *Molud-eta* и др. и.—е. *av* «вода», «река», в лат. *amnis* (*-abnis*), др.-ирл. *av* «река» (стр. 29; 89).